

ЧАСТЬ 2

Перенесение мощей в период иконоборчества

Составление, перевод с греческого и комментарии
Д. Е. Афиногенова

Наряду с основным вопросом иконоборческих споров – о поклонении священным изображениям, – в ходе этого конфликта затрагивались и другие темы, среди которых одной из важнейших была допустимость почитания мощей святых. Вот что писал в 30-е гг. IX в. монах Феостирикт, автор Жития прп. Никиты Мидийского, об императоре Константине V Копрониме (741–775): «Сей же... не удовольствовался надругательством над святыми иконами, но и обесчестил, сколько мог, и святых мучеников, приказав не говорить „святой“ ни о ком, кроме апостолов, сорока мучеников, Феодора, Георгия и так далее. А мощи их он уничтожил совершенно и ни во что не ставил, и проше говоря, по виду был христианин, а в мыслях совершенно как иудействующий»¹. Константин не ограничился устными и письменными декларациями, но перешел и к практическим мерам. Особенно большой резонанс вызвали действия императора по отношению к мощам одной из самых почитаемых в Константинополе святых – Евфимии Халкидонской, которые были брошены в море вместе с ракой. По всей видимости, Константин пытался продемонстрировать неподлинность останков, однако к тому времени культ мощей св. Евфимии процветал уже около 350 лет, и поэтому большей частью общества попытка их уничтожения воспринималась как поругание святыни. Соответственно, императрица Ирина в рамках мероприятий по легитимации собственной власти организовала в 797 г. торжественное перенесение чудесным образом сохранившихся мощей обратно в храм св. Евфимии в Халкидоне. До нас дошло подробное описание этого события, сделанное

¹ Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты / пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001, с. 120.

Константином, епископом Тиосским, около 800 г. (ВНГ 621).

Уже в данном эпизоде проявилось в высшей степени характерное для Византии иконоборческого и постиконоборческого периода стремление использовать перенесение мощей святых не только в религиозных, но и в политико-пропагандистских целях. Помимо двух текстов, перевод которых публикуется ниже, в связи с этим можно упомянуть перезахоронение десяти мучеников Константинопольских при патриархе Игнатии (847–858 и 867–877)². Весьма возможно, что именно в это время появилась большая часть из многочисленных рассказов о перенесении мощей свт. Иоанна Златоуста³, которое также имело политический смысл, оказавшийся весьма актуальным для Византии IX в. Вместе с тем, необходимость ответить на иконоборческий вызов привела, с одной стороны, к окончательному оформлению богословско-канонического обоснования почитания реликвий, а с другой – к кристаллизации литературного жанра «*translatio*», сохранившего популярность и в последующие века.

² См.: Acta Martyrum Constantinopolitanorum // Acta Sanctorum, Augustus, Vol. 2, p. 434–447.

³ См.: Douze récits byzantins sur Saint Jean Chrysostome / publiés par F. Halkin. Bruxelles, 1977.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПАТРИАРХА НИКИФОРА

Возвращение мощей патриарха Никифора в Константинополь состоялось не сразу после восстановления иконопочитания, а только в 847 г. Причину такой задержки можно обнаружить в самом тексте Феофана Пресвитера. Согласно ему, патриарх Мефодий, обращаясь к останкам своего предшественника на Константинопольской кафедре, сказал: «О блаженнейший, ты приобщился святому Иоанну Златоусту в подобных же испытаниях, как выказавший ту же ревность и дерзновение, что и он, и претерпевший одинаковые с ним лишение престола и смерть на чужбине, а также и проведенный в изгнании при жизни и после кончины равное время и столько же лет, тридцать три года». Получается, что патриарх совершенно сознательно выжидал, пока эти тридцать три года не исполнятся⁴, чтобы параллель с Иоанном была полной. Сделано это было с очевидной целью – не только чтобы еще больше прославить святителя, но и чтобы подчеркнуть, что, как и в случае со Златоустом, императорская власть приносит покаяние перед неправедно изгнанным патриархом. Именно поэтому императору Михаилу III, несмотря на его малолетство, отводилась столь заметная роль в церемонии. Кроме того, по мысли Мефодия, пышные и многолюдные торжества, которыми сопровождалось перенесение Никифора, должны были затмить аналогичное перезахоронение Феодора и Иосифа Студитов, состоявшееся тремя годами ранее⁵.

⁴ Византийцы использовали так называемый инклюзивный счет: между 13 марта 815 г. и тем же числом 847 г. считаются 31 полный год, с 1 сентября 815 г. по 1 сентября 846 г., и два неполных – с 13 марта по 1 сентября 815 г. и с 1 сентября 846 г. по 13 марта 847 г.

⁵ См. подробнее: Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. 784–847. М., 1997, с. 113–115.

Произведение Феофана Пресвитера – замечательный памятник византийской риторики. Автор, несомненно, очень хорошо знал историю второго периода иконоборчества (814–843), потому что практически в каждой фразе содержатся отсылки к конкретным событиям и фактам. Другое дело, что понять большинство из них можно, только внимательно изучив параллельные источники. К сожалению, критического комментированного издания Слова пока еще не имеется.

Перевод выполнен по изданию: Theophanis Presbyteri Narratio de translatione Nicephori // Μνημεῖα ἀγιολογικὰ / =Ekd. Ἰσοβ. Q. =Iwavnnh, Benetiva, 1884, s. 115–128.

Феофана пресвитера и игумена
Слово об изгнании иже во святых
Никифора,
патриарха Константинопольского,
и на возвращение честных мощей его

(1) В разное время совершены были Богом в племенах и городах чрезвычайно многочисленные благодеяния и возвышенные явления величайших дел, посредством которых крепко утверждено истинное знание о Нем, и множество величия Его провозглашено во всеуслышание, как поется в псалмах: «день дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. 18:3). Ясно, что смысл псалмопения указывает на руководство и завершение, которое сохраняет всякую существующую вещь и каждодневно управляет вселенной. Но не менее, а скорее и более превосходно, чем прочее, и прекрасно превознесено несравненными вершинами чудес то, что Божественная сила, содержащая и окормляющая все вышним промыслом, явила ныне, в наше время – поскольку не отчасти и обособленно и не в малом и ничего не стоящем народе снизошли таковые благодатные дары, но вообще и совокупно в Христоименном и избранном уделе, который гласом апостола Петра был верно назван «царственное священство, народ святой, люди обновления» (1 Пет. 2:9). Но так как слово о величайших предметах требует и наилучших повествователей – иначе оно окажется ниже самого

себя, у малое ничтожностью принимающихся за него, и высота его великолепия потерпит ущерб от низменных и некрасивых выражений, – вот поэтому я в смятении, и подавлен немотой, и не в силах писать, как совершенно непричастный благозвучному слогу. Однако побуждаемый непрерывным и неумолимым упорством тех, кто настоятельно подвигает меня на это, я в страхе склонил себя к послушанию, веруя, что мне дарует слово и будет помощником Бог, от Которого служители слова получают способность речи, при том, конечно, что богоносный отец Никифор, предоставив нам самого себя как величайший предмет повествования, будет содействовать своими молитвами и направлять мои старания к правильности и благоустройению.

(2) Было время, когда наши дела шли прекрасно и достойно направлялись к пользе, когда из Церкви, с утверждением единомыслия, было изгнано всякое нечестивое и чуждое учение, как некая скверна и отвратительная мерзость, и всякое еретическое суесловие исчезло в небытие. В то время царский скипетр держал Никифор, и Никифор правил архиерейским престолом велеименитого Царьграда, и оттуда, словно яркое светило, озарял поднебесную лучами добродетели. Ибо и соприродное единосущие изначальной и блаженной Троицы, и беспримесное исповедание воплощенного Бога Слова в двух природах и стольких же волевых действиях, соединенных ипостасно, было нагляднейше разъяснено в разное время бывшими отеческими Соборами, и всякое иное мнение, противоречащее этому, окончательно изгнано, и издревле переданное полезное установление священообразных икон повсеместно и благолепно являлось в церквах повсюду, как было постановлено по внушению Божию соборным решением святых отцов незадолго до того времени. Когда же правившего царством Никифора вместе с его сыном постиг конец здешней жизни, и власть перешла к Михаилу, зятю его по дочери, напал на того подобно зверю, согласно своему имени рыкая словно лев, чрезвычайно свирепый и жестокий Лев, ведший свой род от армян, который против Бога задумал отступничество, а против почтившего его царя – явный и неприкрытый мятеж. И принялся он за дело, и замысел был приведен в исполнение, и выгнав [Михаила] с женой и детьми, он хищнически завладел царством – и как будто ему нельзя было сохранить

власть надолго иначе, чем совершенно обнаглев и пойдя на нас войной путем уничтожения честных икон, он проводил время в измышлении всякого рода скверных уловок, чтобы осуществить свое намерение. Ибо до такого безумия и заблуждения он был по легковерию доведен наставлявшими его бесами, и губельно одурманен обманными сновидениями лжегадателей, и безрассудно увлечен неясными обещаниями сроков.

(3) И вот, когда он злочестиво дерзнул и безбожно покусился на такой замысел, подумал он, что не иначе следует ему одержать победу, как низложив предводителя Церкви и непогрешимое мерило православия, знаменитого Никифора, с его престола, дабы, сделав Церковь опорой собственного злодейства, безбоязненно переустроить все по желанию для себя и своих приспешников, потому что некому было бы сопротивляться или противодействовать вражескому ополчению. Но до поры он подстерегал его, проявляя коварство своего нрава, и предлагал обсудить этот догмат⁶, будто бы для испытания правой веры. Когда же тот, весьма сведущий в богословии и пронизательнейший, тем не менее понуждал гордеца сменить предпринятое им на должное поведение, обосновывая установление икон многочисленными возражениями в беседах, и представлением речений Писания, и крепчайшими преданиями глубочайшей древности, но никак не мог отвратить его от задуманного, поскольку он не слушался, – вот тогда вышло наружу доселе скрываемое под поверхностью злоумышление того, кто, в точном соответствии со своим именем, и нравом обладал звериным. Ибо как некий зловредный вепрь или лев, дикий и неукротимый зверь, он оставался неуступчив и непреклонен, заградив слух, словно змея к заклинаниям, ко всем спасительным наставлениям учителя о должном. И тут победоименный⁷, еще больше укрепляемый ревностью в благочестии и помощью свыше, мужественно сражается против нечестия и мощно ратоборствует против тирана, и вместе с избранными в жизни и слове архиереями и иноками, с радостью устремившимися вслед за ним на борьбу, они сообща обличают царя, согрешающего

⁶ Т. е. учение об иконопочитании.

⁷ Никифор в переводе с греческого означает «победоносный».

напрасно, и без опаски клеймят его как лицемерного врага Бога и Божественного.

(4) Итак, этот спесивый и заносчивый человек, принужденный разоблачить и окончательно выставить на обозрение и еще остававшиеся в тайне планы, изрыгнул прячущийся внутри злой помысел, словно переполнение образовавшихся от несварения тлетворных соков или уродливые выкидыши недоношенных зародышей, и тиранической дерзостью прогнал препрославленного с патриаршего престола, осудив на его пребывание в ссылке. Он не постыдился даже того, не говоря о прочем, при множестве [достоинств] сего мужа, что через наложение и запечатление его рук он получил царский венец (не следовало бы этому происходить!). Но, видимо, пораженный грехом отступничества и тирании, и нечестием своим лишенный рассудка, и совершенно утратив правильное суждение, он пустился непотребно вершить нечестивые дела и дерзко приниматься за самое постыдное. И тот, как ученик миротворца, вышел из Церкви огорченный и в слезах, покидая ее, словно некую непорочную невесту, обрученную с ним Богом, скорбящей и опечаленной разлучением с ним, наставив народ подобающими божественными речами и помолившись, чтобы паства хранила веру нерушимой в союзе мира. Он же, весьма взбешенный и ревущий в ярости, изо всех сил продолжал с ненавистью попирать благочестие, и как будто не насытившись тем, что сотворил с богоизбранным святителем, но чтобы распространить на большее число людей достойные плача и стенаний деяния своего злодейства, всех, кто, последовав за учителем, держался правого учения истины, – архиереев и монахов, но также и избранную часть мирян, мужчин и женщин, он приговорил к сменяющим друг друга наказаниям и невыносимым карам. Ибо некоторые из них подверглись мучениям и болезненным пыткам, других держали в долгом заточении, снедаемых голодом и жаждой, иных без всякой пощады уводили в далекое изгнание и ссылку, а у некоторых по единственному обвинению в благочестии отбирали все принадлежавшее им имущество. Были и такие, кто неведомыми смертями лишались жизни, о чем ходит много разговоров. А из остальной части вельмож и сановников, священников и монахов, и прочего множества, некоторые склонились

перед насилием правителя и стали жертвой его руки, растлившись умом из-за страха, или невнимания, или себялюбия, или любви к славе – но большинство из них, обоюго пола, сохранили суждение о вере прочным и непоколебимым.

(5) Тогда первосвященническим престолом Царьграда на этот промежуток времени нечестиво завладели один за другим трое противоположных истинному пастырю, Феодот, Антоний и Иоанн⁸, всячески терзавшие и пожиравшие Церковь, словно некие лютые волки, и по другим приходам и городам священниками и предстоятелями стали люди того же образа мыслей, невежественные и ничего не стоящие. При том они объявили преступное и богоненавистное учение своей шайки, незаконно и безумно утверждая, что установление икон, несущее телесные отображения воплощенного Бога Слова, и пречистой Богоматери, и боговидных ангелов, и всего священного сонма святых и праведных, должно быть упразднено, чтобы оно не было видимо и не существовало (насколько это от них зависело). И было тяжело и весьма нелепо наблюдать, как при этих мерзких и тупых людях честные храмы повсюду теряли прежнюю красоту и лишались присущего им благолепия. И вот такое господство зла тяжелейшим образом смущало и сотрясало всех подданных царства не на протяжении краткого и незначительного времени, но без малого тридцать лет, четырнадцать из которых проведя в ссылке, богоявленный отец наш Никифор сменил это смертное житие на долговечную и нескончаемую жизнь⁹ – и был похоронен у храма святого мученика Феодора в монастыре, который сам учредил и выстроил от основания. Ибо там, будучи приговорен к ссылке, он и проводил жизнь преподобно и свято, в надлежащей и достаточной мере очистив умное зрение изобилием добродетелей, и поистине превратив себя в незапятнанный храм Бога и Божественного, и явившись соперником ангелов, украсив в одно и то же время как иноческий, так и священнический чин своими достоинствами равным образом и в том, и в другом.

НАЧАЛО ВОЗВРАЩЕНИЯ

⁸ Патриархи Константинопольские Феодот Касситера (815–821), Антоний Кассимата (821–837) и Иоанн Грамматик (837–843).

⁹ 2 июня 828 г.

(6) Итак, выше уже было рассказано о том, как сей триждыблаженный Никифор, умело правя церковным кормилом, словно наилучший кормчий, красотой своей жизни и высотой знания мудро вел всякий слух и разум к богопочитанию, и вера укреплялась в спокойствии, и государственные дела велись по закону, и о том, как зависть, привыкшая вредить добру, возревновав ему и не в силах видеть, что паства Христова возрастает каждодневными прибавлениями наилучших вещей, подвиг преступного царя Льва на гибель его собственной души бесчинствовать против Бога нововведениями в вере и побудил его надругаться над святынями и осквернить Божественное, насколько это было в его власти. Наконец, он разъярил его на свержение сего собеседника Божия с первосвященнического престола и заключение его под стражу в ссылку, в которой тот, постоянно занимаясь восхождениями к Богу через делание и созерцание, блаженно завершил здешнюю жизнь. Теперь же пришла пора последовательно и сжато представить и перемену от скорбных и мрачных [событий] к радостным и веселым, по устроению Бога, Который «претворяет смертную тень в ясное утро» (Ам. 5:8) и из мрака выводит свет (ср. Иов. 12:22), и рассказать в виде безыскусного очерка о перенесении священного его тела в царствующий великий град – ибо к этому стремится наше слово, пусть мы и отвлеклись на отступления, вкратце изложив, как говорится, предварительную часть повествования¹⁰.

(7) Ибо когда царская власть перешла от Феофила, окончившего жизнь, к его супруге Феодоре вместе с их сыном Михаилом, который был очень юн, она, поистине в согласии со своим именем дарованная подданным от Бога, прежде всех других заслуг и великодушных пожалований, которыми цари, как водится, приобретают добрую славу, полагает себе главной и важнейшей заботой то, что не иначе она сделает свое правление безопасным и под женской внешностью явит мужскую доблесть, как только снискав себе милость Божию радением о благочестии. А это нельзя было сделать легко и благолепно, если бы не улеглась уже долгое время владевшая Церковью смута, и прежде напавший

¹⁰ Перевод в этом месте передает лишь общий смысл текста. В оригинале: *eij kai parekbatikwvteron toi" legomevnoi" ejnhscolvqhmen, toV th" uJpogevsew" proswpei'on, toV dhV le govmenon, ejn ejpitomwv proexufhvante".*

недуг не был бы возвращен к целостности и здоровью, отчего разделившиеся во мнениях бесспорно и необратимо соединились бы друг с другом. Ибо тогда, если бы все сошлись в единомыслии, чистая и непорочная вера сохранялась бы крепкой и нерушимой, превосходно утвержденная, как на основании, на правоте апостольских и отеческих догматов, а властвование [царицы] Бог хранил бы впредь легким и безмятежным.

(8) Итак, эта поистине высокоумная и крепкая разумом царица, рассудив так с осмотрительной пронизательностью и с глубокомысленным разумением сообщив своим сановникам и вельможам, приглашает вместе с ними первенствующих среди монахов и предлагает им вопрос об установлении икон. Поскольку же она нашла, что они все согласны друг с другом и давно сильно терзаются и удручены душой из-за нововведения в вере, она попросила, чтобы ее удостоверили в истине и речениями отцов. И <...>¹¹ таковые, представленные ей в разных книгах, она приказала, чтобы весь церковный сонм собрался в некоем отведенном дворцовом помещении и яснейшим образом возвестил учение об этом народному множеству. И они стеклись вместе в неисчислимом количестве, не только те, кто сохранил здоровое суждение и во времена нечестия, но и многие из тех, кто присоединился к противникам или даже был поставлен ими священнодействовать и начальствовать над церквами, – эти, внезапно изменив мнение, предавали анафеме бесновавшихся против икон, так что нечестиво владевший тогда архиерейством Иоанн, из-за неожиданно и быстро переменявшихся вдруг обстоятельств охваченный помешательством и помрачением ума, едва не погиб насильственной смертью от своей собственной руки. Ведь он был и голова, и хвост зла, в предшествующее тому время пользуясь якобы уважением правителей и властвуя вместо них, бездумно и безрассудно уводя и увлекая их ложью и пустым обманом в пропасть инославия. И когда в отмщение за прегрешения, совершенные им против Бога, он был прогнан с престола и с позором извержен¹², единым суждением и волей божественнейших царей и всего

¹¹ В тексте лагуна, не отмеченная издателем.

¹² Вопреки интерпункции издателя, я полагаю, что дальнейшее относится к поставлению Мефодия, а не к низложению Иоанна.

церковного собрания, а также при охотном согласии сановников, патриарший престол Царя городов вручается Мефодию, мужу очень много подвизавшемуся и в жизни, и в слове, который вынес множество страданий за правое учение, так что бежал в далекую страну, а вернувшись оттуда, долгое время провел, изнуряемый бичеваниями и заточением.

(9) Тогда Второй Никейский богоизбранный святой и Вселенский Собор, созванный по Божественному наитию всеблагочестивой царицей, истинно именуемой Ириной¹³, и Тарасием, величайшим и всеблаженным патриархом, вновь получил прочное утверждение и счастливо обрел силу, между тем как все радовались и благосклонно выносили решение в пользу богодухновенно провозглашенного им определения. А церкви повсеместно снова возвращали себе собственное благолепие и оказывались славно величающимися красотой честных икон, а священниками и предстоятелями в них были поставлены радетели правого учения, после изгнания преступно распорядившихся ими. Итак, когда после этого прошло четыре года, всесвященный Мефодий, поистине подвигнутый Божественным Духом, должным образом обратился к боговенчанной царице Феодоре и богомудро увещевал ее, что «не подобает державе и государству, более того, весьма неприлично и неблагоприятно, если мы не постараемся перенести в Город богоносное тело почтенного и знаменитого во патриархах Никифора, который ради всеславной и непорочной веры был изгнан со святительского престола и закончил жизнь в длительнейшей ссылке; чтобы нам не показаться настолько неблагодарными по отношению к нему, что мы и после смерти оставили его без чести как бы под тем же приговором изгнания, хотя нам прекрасно известно, что для потомков Иосифовых стало благословением то, что они почти через четыреста лет, взяв кости отца из Египта, перенесли их в страну Хананейскую¹⁴.

(10) Так не потерпим же дольше видеть, как чада благочестия, которых он вскормил божественными поучениями, оплакивают разлуку с отцом, и как прекрасный и царственный град, превосходнейший в Поднебесной, знавший его первоверховным предводителем, пребывает лишенным этих драгоценных мошей – ибо они,

¹³ Обычная игра слов: «ирини» = «мир».

¹⁴ Ср. Ис. 24:32.

безусловно, станут для него крепкой охраной и защитой. Пусть мужелюбивая Церковь вернет себе своего жениха, и богопослушным мановением пастырелюбивой царицы да достигнет через перенесение тела посмертного соединения с тем, кто при жизни был отнят у нее тиранической рукой беззаконнейшего царя. Ведь ты видишь, как этот народ, благодаря тебе единодушный и единомысленный, горячо стремится слышать его голос в духе даже после смерти, и если только они увидят, что к ним возвращаются его останки, они сочтут, что получают обратно его самого вживе, и будут хранить их как поселившееся у них неприкосновенное сокровище и многожеланное богатство». С готовностью повинуюсь этим советам и побудительным речам, эта богопризванная властительница очень охотно и быстро согласилась, ибо, как она сказала, «об этом будет идти слава и в нынешнем, и в будущих поколениях, к величайшему благополучию моему собственному и моих детей».

(11) Тогда священноначальник Града, отправившись в путь со священниками, монахами и множеством народа, прибыл в обитель святого Феодора, где лежали исполненные благодати мощи, припал к ним со слезами, обняв гробницу, и стал говорить так, словно живому: «О блаженнейший, ты приобщился святому Иоанну Златоусту в подобных же испытаниях, как выказавший ту же ревность и дерзновение, что и он, и претерпевший одинаковые с ним лишение престола и смерть на чужбине, а также и проведенный в изгнании при жизни и после кончины равное время и столько же лет, тридцать три года. Ныне предоставь себя нам, сердечно жаждущим, и, переселившись отсюда, вернись к себе, чтобы и твое перенесение, как некогда его, отцелюбивый народ встретил с ликованием. Н некогда отчужденный от Бога царь противостоял тебе при твоей жизни и безрассудно изверг из Церкви – и понес достойную кару, злосчастной кончиной в свою очередь извергнутый из власти и жизни и пожав надлежащие плоды своенравия. Сегодня цари, близкие Богу благочестивым нравом, отдадут тебе Церковь даже умершему, и словно усыновленные тобой через Евангелие, представляют ее тебе вместе со мною, не имеющею пятна или порока (Еф. 5:27), какой ты оставил ее, обустроенную твоей поддержкой. Взгляни и узри

собравшихся чад твоих – ибо они здесь¹⁵, в то время как другие издалека ожидают твоего к ним возвращения. Не оставь их, сильно мучимых болью твоего отсутствия. Пусть град твой обладает твоим всеблагодатным телом прежде любого другого драгоценного приношения, гордясь им, и весьма благолепно радуясь, и похваляясь им более, нежели царским величием.

(12) Произнеся с плачем такие моления и вместе с верным народом исполнив всенощное псалмопение и таинственное священнодействие, святейший патриарх Мефодий извлек из гробницы всечестное тело, сохранившееся за полных девятнадцать лет совершенно целым и нетронутым, – и оно, переложное им в раку, было перенесено на руках священников со светильниками и частым пением псалмов и положено в приготовленный для этого дромон. А когда оно преодолело пролив и приблизилось к набережной Города, богохранимый царь Михаил Новый и самые высокопоставленные сановники, патрикии и прочие, радостно встретили его, держа в руках лампады. И отнеся эту драгоценную раку на собственных плечах с верой и благоговением, они положили ее до времени в Великой Церкви, откуда он и был изгнан, когда его лишили архиерейства. Когда же они и там вновь сотворили усердные бдения и непрерывное посменное хвалебное пение, [рака] была в сиянии лампадных огней доставлена по главной улице города в храм всехвальных Апостолов. Сбежавшее же безграничное множество людей, мужчин, женщин и детей, всех возрастов, невозможно описать числом или мерой – ибо, плотно теснясь в переулках и портиках, они с усилием всем народом совершали погребальное шествие, так что эти удивительные проводы нельзя было сравнить с какими-либо другими, бывшими прежде, хотя очень много таковых, как и полагается, происходило в разное время при [похоронах] царей и священников. Более того, по пути немало одержимых нечистыми духами, подстрекаемые ими, явились, испуская жалобные и богохульные крики, и из них некоторые сподобились от него исцеления.

(13) И вот, едва избежав людской давки, после того, как священнодействователь исполнил подобающее тайноводительство Богу, тело было положено его руками

¹⁵ Текст в том виде, в каком его дает издатель, непонятен. Вместо *pa'si* должен быть глагол, например, *eJsta'si* или, скорее, *pavreisi*.

в святилище, носящем имя Апостолов, в недавно построенной для этого гробнице, тринадцатого марта, в тот день, когда он, изгнанный, отправился в ссылку, так что и то и другое у него благополучно пришлось на один и тот же день. Мы же, о достойный восхищения отец отцов и всепревосходнейший из мужей священноглашатаев, удостоившись иметь тебя земным насельником и небесным предстателем перед Богом, с любовью приходим к твоему гробу и, обнимая его с благоговением, обращаем к тебе такие слова:

О, тайноводитель и зритель Богосовершаемых и сокровенных посвящений в вышних, о, щедро осиянный за чистоту ума славой божественного и светозарного созерцания, причастник собрания патриархов и чина и состояния священнодействователей таинств, как стяжавший вместе с ними, согласно своему имени, победные почести в борьбе против восставших на тебя искушений и опасностей, прими благосклонно веру и неложное упование, которые мы все возлагаем на тебя от искреннего сердца, и даруй взамен с великой готовностью чистую твою и непорочную просительную молитву, которой да умилоставишь Божество, чтобы Святая Церковь пребывала в мире и вера вечно соблюдалась непоколебимой. Но и нас, хранящих твои сладкозвучные священнослова и красноречивые наставления ко спасению в различных книгах, тобою сочиненных, соблюди неуклонно утвержденными в правоте догматов, в изменчивые времена, как говорится, без изменения пребывающими, и всей нашей жизнью впредь руководи к пользе, чтобы, послушно следуя за тобой, мы сделались благоугодны Богу и достигли благ, обещанных праведным, милостью и благодатью Христа Бога нашего, нас ради вочеловечившегося и не отказавшегося быть видимым в описуемом облике по плоти. Ибо Ему подобает поклонение и слава, с пребезначальным Отцом и единосущным и живоначальным Божественным Духом, во веки веков. Аминь.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВ. ФЕОДОРА СТУДИТА

Восстановление иконопочитания в 843 г. ознаменовалось прославлением тех поборников Православия, которые, наряду с аскетическими подвигами, проявили себя в противостоянии иконоборческой политике императоров Льва V и Феофила. Перенесение их останков, бывшее составной частью этого прославления, имело не только религиозный, но и политический смысл. Особенно это заметно по Слову Феофана Пресвитера на перенесение мощей святителя Никифора, однако и не сохранившее имени автора произведение, перевод которого публикуется ниже, также несет в себе может быть и не сразу заметный для современного читателя, но совершенно очевидный современникам подтекст. Вкратце его можно сформулировать так: Феодор Студит был и остается настоятелем своего монастыря, и никакая власть не в силах лишить его этого положения. Лишь год или два спустя студиты продемонстрировали, что даже законный и уважаемый предстоятель византийской церкви не может поколебать их преклонение перед памятью учителя: когда Мефодий потребовал от них уничтожить некоторые из сочинений Феодора, они отказались наотрез, причем патриарх фактически ничего не сумел поделать.

Любопытно, что в нашем тексте ничего не говорится о чудотворении святых мощей. Это, разумеется, не случайно. Студийская традиция, во всяком случае та, которую мы знаем со времен Платона и Феодора, относилась к чудесам весьма настороженно и в этом смысле выступала своего рода оппонентом народной религиозности того времени. Напротив, патриарх Мефодий, вскоре после описываемых событий вступивший в острый конфликт со студийской монашеской «федерацией», был тесно связан с такими людьми, как преп. Иоанникий, прославившийся именно многочисленными чудесами и предсказаниями и на этой почве даже напрямую

сталкивавшийся с Феодором и его учениками. Различие между этими двумя традициями в византийском Православии хорошо видно и при сравнении рассказа о перенесении Феодора и Иосифа со Словом Феофана Пресвитера.

Перевод выполнен по изданию: *van de Vorst C. La translation de S. Theodore Studite et de S. Joseph de Thessalonique // AB, 32, 1913, p. 50-61.*

На принесение и положение мощей
преподобного
отца нашего и исповедника Феодора – а
там же и
помянуть в конце слова о положении
обретенных мощей преподобного отца
нашего Иосифа, бывшего архиепископом
Фессалоницким.

1. Справедливо могли бы поставить нам в вину, если бы мы обошли молчанием принесение божественного отца и положение священных мощей – ведь если у него самого было столько рвения и дерзновения, что он предпочел претерпеть опасности, и ссылки, и <вообще> все, то насколько более естественно для нас иметь рвение излагать его дела, и рассказывать, и дарить боголюбивым душам. Ибо что будет весомее для пользы или приятнее для наслаждения, чем помянуть столь великого мужа и повествовать о его подвигах и борениях, и превозносить хвалами это тело, пролившее пот во многих трудах, и чествовать его наивысшими славословиями? А как при его принесении и положении было некое большое и многолюдное торжество, так и от речи и воспоминания о происшедшем обязательно будет равное и сравнимое веселие разом у иноков и у мирян, вместе радующихся и хвалебными устами поющих благодарения. Итак, из-за этого пусть мое слово примется за повествование и упомянет о предлежащем, чтобы мы узнали и о времени священного принесения, и о том, как и через кого это многообильное сокровище было водворено в свою собственную обитель, неотъемлемым богатством сохраняемое для нуждающихся. И следовало,

конечно, чтобы слово сразу же взялось за то, о чем намеревалось вспомнить, — но чтобы не показалось, будто оно посвящено только последним событиям, а из прочего, что было в великом этом житии и борьбе, ни о чем не упоминает, оно вначале повторит немного из этого, то, рассказ о чем доставит наибольшее удовольствие слушателям, и тогда уже перейдет к нынешнему предмету, так что речь будет идти по порядку и самой себе покажется наиболее полной.

2. Итак (начнем с этого), сей божественный и великий Феодор, получивший прозвание, соответствующее образу жизни¹⁶, поистине богодарованный и многовозлюбленный, происходил от родителей знатных и известных и имевших первейшие почести от царя, а отечеством ему был этот благоденствующий Константинополь. Собрал смолоду ученость как нашу, так и внешнюю, насколько требовалось, и прежде всего заложив добродетель словно бы опорой жизни, он вскоре оставил богатство, и славу, и все, относящееся к дольному коловращению, а воспринял жизнь иноческую и безмолвную, отдав тленное за нетленное и обменяв неустойчивое на пребывающее. А так как то время давало много воли иконоборцам¹⁷, поскольку злое учение бесновалось почти что против всех, он, видя это, основывает пристанище подвижничества не в Византии — потому что ему и нельзя было — а вне его и вдали, вместе с родителями и другими сродниками, которые все за ним следовали. Обитель же попечений о добродетели называлась у них Саккудион, в которой наилучшим образом проявив себя и дав доказательства добродетели, он после того поставляется в их пастыря, а затем также возводится в священство, потому что Платон, его дядя по матери, уговорил его и в том, и в другом, а вернее, добавил к уговорам принуждение. И сразу у него подвиги и схватки, и борения с царями, потому что те не соглашались с правым словом, потом ссылки и заточения, а прежде тех, увыв мне, избиения, и телесные мучения, и бичевания — ибо что говорить о долговременных бедствиях и недостатке и лишении необходимого, которые все доблестный стойко переносил?

3. Когда же тираны были устранены, понеся справедливое наказание, он тоже освобождается из ссылки, вновь воссоединившись с учениками, наставляя их к

¹⁶ «Феодор» переводится с греческого как «Божий дар».

¹⁷ В царствование Константина V Копронима (741-775).

добродетели и убеждая бесстрашно переносить трудности. Тут и держатели скипетра¹⁸, восхищаясь его мужеством и разумением, поскольку и сами любили Бога и добродетель, упрасивают преподобного обитать не далеко и в стороне от столицы, но внутри и рядом с ними, чтобы им можно было и видеть его чаще, и вкушать доставляемую им пользу. Он¹⁹ же, повинувшись и правителям, а более всего по устроению Промысла Божия, занимает дом великого Предтечи, храм, отличающийся красотой и размерами, который возвел Студий, пришедший из Рима, и отвел под монастырь, хотя иконоборческое злочестие и изгнало оттуда всех иноков, заградив для них их собственные обиталища²⁰. Но он, приложив множество стараний и сведя в это место, с одной стороны, тех монахов, которых он привел из Саккудиона, а с другой – пришедших откуда-то еще, или же желающих постричься, и собрал там многочисленный сонм, и добился, чтобы собравшиеся достигли высот добродетели. Вот с тех пор это место стало всем известным и знаменитым, потому что почти все жители столицы посещали его и восхищались тамошними монахами за доброе житие и многое это подвижничество.

4. Однако <вмешалась> зависть, и вновь те, кому было вверено начальствование²¹, будучи неблагонаравны в жизни, хоть и не извратились в вере, причинили преподобному большое беспокойство, злобствуя на него и досадуя за его прямые речи и правую жизнь. Они даже отправили его в ссылку, не имея ни в чем обвинить его, кроме несогласия с их словами. Но так как те не через долгое время пожали плоды своей порочности, но встретили скорое крушение, вновь преподобный в покое, и вновь знаменитая благодаря ему обитель приняла его в себя, затмевающего предыдущие свершения последующими. Ибо и правитель²² уделял ему большое уважение и честь и превозносил его житие.

¹⁸ Ирина (780-790 и 797-803) и Константин VI (единолично правил в 790-797).

¹⁹ Перевод исходит из чтения Ѡј (у издателя ај).

²⁰ Тем не менее уже на VII Вселенском соборе в Никее заметную роль играл игумен Студийский Савва.

²¹ Император Константин VI, которого Феодор обличал за незаконный развод с женой Марией и женитьбу на Феодоте.

²² Имеется в виду либо Михаил I Рангаве (811-813), либо, как ни странно, Никифор I (803-811), при котором Феодор тоже был сослан. См. ниже прим. 25.

5. Когда же и многообразнейший во зле Армянин²³ по неизреченному Божию суду, словно некая египетская казнь или свирепый вихрь и буря, пробрался к римскому начальству, сделав царство добычей захвата, тогда и боьльшие состязания, и мужество, и борения отца, разившего тирана дерзновением и обличавшего его бесстыдный замысел. Ибо злоименный осмелился ниспровергнуть Божественные запечатления и назвать идолами честные иконы, которые он и сжигал, увы мне, или замазывал известью из-за извращенности своего разума. Это очень огорчало святого, снедаемого огнем отчаяния и удручаемого несказанными трудами, и он не считал за опасность пострадать, но не пострадать много – вот чего он опасался. Поэтому он и больше других выказывал ревность в состязаниях и изготавлялся к стойкости в бедствиях. Не снеся его мужества, тиран вначале изгнал его из Византии и поместил в суровейшее заточение, затем нанес ему побои и сильно бичевал, безжалостно, увы мне, рассекая мягкую плоть и изводя потоки крови. И не довольно было тому по преизбытку бешенства один или два раза истязать его ударами, но и многократно и сверх меры, переменяя для него узилища и заточая то здесь, то там, чтобы многообразием наказаний явить его или сдавшимся или хоть немного уступившим. Но доблестный и дерзновения не ослабил, и духом не пал, но еще более мужался, явственно разя тирана и пронзая словами, и клеймя поношениями. А для того, когда он узнавал обо всем происходящем, было досадно и невыносимо, если, в то время как почти все покорились ему и были поработены властью, сей не то что оставался непобежденным, но и других убеждал не страшиться никаких бедствий и не соглашаться с нечестивыми его учениями. Но этот бесстыдный и заносчивый человек, много пренебрегавший долготерпением Божиим и ругавшийся над священными иконами, на десятом году царствования понес наказание за содеянное, бесславно окончив жизнь и из-за удара, поразившего внутренности, став вразумлением для остальных.

6. Сразу же и отца освобождают из ссылки и выпускают из заточения – а он, и по дороге проходя, творил многие знамения, и много делал для пользы спутников, и большую отраду доставлял ученикам, уделяя им от своего

²³ Император Лев V Армянин (813–820), пришедший к власти в результате переворота и возобновивший иконоборчество в 815 г.

радостного настроения и прочего духовного утешения. Тогда же и своего брата, я имею в виду Иосифа, стяжавшего предстояние Фессалоники, тоже вернувшегося из долгой ссылки, он увидел с каким только не скажешь наслаждением, принимая его всего в объятия и целуя губами и сердцем. Но кто расскажет опять о тех речах святого и дерзновении, которое он, пылая божественной ревностью, с опасностью и безопасно выказал по отношению к принявшему в ту пору скипетр²⁴? Ибо он и перед лицом того предстал, и беседовал о должном, и представил злочестие царствовавших до него, которые, по его словам, из-за бесчинств против честных икон и осквернения святынь и здесь понесли недюжинное наказание, и там по отходе изопьют целиком мутное вино гнева Божия (ср. Пс. 74:9), справедливо для них изливаемое. Но хотя праведник многое выставлял для убеждения царя, тот не поддавался и не принимал его сладчайших речей. Ведь и он принадлежал к противостоящей части и мнению, отрицая божественные иконы еще смолоду, однако же не чинил гонения или вреда православным, но, не допуская их в столицу, не препятствовал жить в других местах или воздавать честь иконам. Вот и отец, поскольку ему нельзя было пребывать в собственном святилище, поселился на островах перед Городом, общаясь и там с учениками, и беседуя с ними, как обычно, и вскармливая их божественными речами. Прожив вместе с ними с той поры немалое время, он на шестьдесят седьмом году плотского жителства освобождается от оболочки, воспаряет же ко Владыке, по Которому томился, чтобы стяжать двойной венец жития и исповедничества, потому что и в том, и в другом он свершил великие подвиги и воздвиг великие трофеи. Ибо восставали на него четыре тирана²⁵, и четверых он поборол, и пленил, и обратил в бегство, и ниспроверг с большим превосходством, и тогда уже и сам окончил жизнь, и преставился, и так преставившись, перешел в небесные обители. После того как принявший его остров – он назывался Принцев – получил его священное тело, честное сие пребывало там в чести, источая многую благодать, доставляя большую и изобильную пользу.

²⁴ Михаил II Заика (820–829).

²⁵ Не вполне ясно, кто, кроме Константина V, Константина VI и Льва V, имеется здесь в виду. Скорее всего, это Михаил II, который прямо назван в тексте. В таком случае конфликт между Феодором и Никифором I автор сознательно покрывает молчанием.

7. А что же его ученики и прекраснейшие последователи доброго учителя? Они не отсутствовали и после кончины отца, но и находились рядом, и были вместе, и оставались у могилы, имея своим предстоятелем премудрого Навкратия, которому начальствование было вручено по желанию отца. Все они сообща многими прошениями, многими молитвами умоляли Бога подать церквам тишину, чтобы для них воссиял ясный день и они вернули себе древнее благолепие. Когда же все творящий и переменяющий Бог, низлагающий сильных с престолов (Лк. 1:52), сокрушающий мышцу грешника и лукавого, превращающий бурю в тишину (Пс. 106:29) и претворяющий смертную тень в утро (ср. Иов 24:17), Сам, видя, увидел преподобных своих утесняемыми и, увидев, призрел и, призрев, погубил злое царство с грохотом, а дело христиан восстановил, вот тогда-то и сонмы отцов, и толпы православных, и собрания иноков все вместе поспешно стеклись в столицу, воспевая благодарения Богу, Бога восхваляя, Богу возглашая песнь. Многую хвалу вознесли они и благочестивой Феодоре и сыну ее, которые приняли скипетр, и много поздравляли их с самодержавной властью – ибо те не стали подражать, она – супругу, а он – отцу, но, в противоположность тому, почитали священные иконы и крайне ненавидели злочестивых. Поэтому они прогнали тех развратителей и вредителей и из городов, и из церквей, и из прочих сообществ, а введены были вместо них благочестивые и православные. Тогда же и вынесенный вселенский приговор, чьим зачинателем был Мефодий, которому вверили архиерейский престол, верных почтил и провозгласил как поборников Церкви, а иконоборцев окончательно низверг и изринул.

8. Итак, после того как это произошло таким образом, и дела переменились при благоверных царях и святителях, тогда возникло стремление у Навкратия, я говорю о нашем пастыре и преемнике отца, каким бы способом ввести в монастырь этого боговдохновенного мужа и перенести его священное тело и благоприлично положить в гробницу. Взяв в помощники и доброго Афанасия, поскольку и тот предводительствовал паствой Саккудиона (так как оба монастыря находились под одним началом), он вдвоем с ним пришел к патриарху, а также и к августу и ее сыну²⁶, возвещая о перенесении отца и о том, что настоящее время – самое для них подходящее и удобное для этого

²⁶ Михаилу III, которому тогда было 4 года.

предприятия. Но здесь пусть каждый будет внимателен – ведь слово подошло к рассказу, который оно сознает собственным предметом и изложить который оно пообещало в начале²⁷.

9. Итак, в продолжение восемнадцати лет с тех пор, как этот многострадальный муж преставился из жизни²⁸ и тело его было погребено на острове, желающим нельзя было, хотя они и стремились это сделать, ни перенести его оттуда, ни положить в собственном его монастыре, ни отдать жаждущим вожделенное сокровище. Стало быть, он и оставался покоящимся там все то время, пока иконоборческая десница была в силе и пока нечестивая ересь имела преобладание. Когда же гордыня их пала и вконец стинула, божественный Навкратий, о котором я и выше говорил, даже малое время не помедлив, становится весь собран и приготовлен к перенесению священных мощей – ибо нехорошо для него было, чтобы еще оставался у других собственный его отец, которому, как он считал, гораздо более естественно было бы пребывать у него. Вот и придя к августу и патриарху, как мы сказали, вместе с соратником своим Афанасием, он изложил им со многим сокрушением дословно следующее: «Я знаю, – говорил он, – что и прежде наших речей и до нашей просьбы в вас были заложены большое расположение и любовь к великому отцу и исповеднику и нашему пастыреначальнику – да и разве не подобает уважать столь великого мужа, и чтить, и воздавать ему должной благодарностью? Ведь его мужество, и борения, и славное житие, и подвиги убеждают всех считать удивительным и удостаивать большой заботы все, что к нему относится, – а он после ссылки, после бичевания, после тысячи других тягот не сподобился даже погребения в монастыре и не стяжал подобающих проводов: ибо, почив на Принцевом острове и оставаясь там в раке уже восемнадцатый год, он еще и теперь из-за беснования иконоборцев и необъявленной их вражды против него не перенесен сюда, и отец не возвращен чадам, и пастырь не сопричислен овцам. Итак, пусть ваша держава приложит попечение, чтобы такое сокровище было доставлено к нам и мы обрели в своих стенах столь большое богатство – ведь так мы и священное тело обиходим должным образом, и посвятим всеблаженному, что положено. Ибо что столь же

²⁷ Фразу «ведь... в начале» издатель считает интерполяцией, на мой взгляд, без достаточных оснований.

²⁸ 11 ноября 826 г.

великое будет для Царя городов или какое другое более благолепное украшение, чем красоваться и блистать таковым мужем и при перенесении его и положении воспеть радостное торжество?»

10. Изложив это, Навкратий и Афанасий получили в помощники августу и патриарха и нашли их вкладывающими большое старание. Ибо теми владело вождение почтить ушедшего и, раз нельзя было при жизни, воздать преставившемуся то, что предлагалось. Поэтому с поощрения правителей отцы прибыли на остров, и не только они, но и множество прочих иноков, как из их собственных монастырей, так и из других, дальних, — ибо сообща и каждый по отдельности они соревновались в том, кто, добравшись первым, принесет большую честь и доставит большее угождение, а скорее сам получит взамен. И приблизившись к гробнице со многим светом и изливанием фимиама и смешав усладу со слезами, они, как положено, обратились к отцу с такими словами: «Ты знаешь наше влечение к тебе, о наилучший и чадолюбивейший из отцов, знаешь преизбыток привязанности, знаешь глубину любви — посему мы и пришли к тебе с прошением, явились с призыванием, прибыли с мольбой: дай согласие нам, умоляющим, склонись к просящим тебя, дай пастве твоей перенести твое священное тело, дай столице поместить у себя твой честной прах, дай благоприлично положить почитаемые твои мощи, дай устроить общую радость об этом, общее ликование — ибо мы жаждем получить тебя внутри, жаждем удержать и принять у себя; жаждет тебя твоя знаменитая обитель, жаждет тебя множество чад твоих, которых ты породил, и дал созреть, и привел в меру духовную, жаждет тебя вскормившее отечество, а вернее Царь городов, в котором ты и икону Христову славно проповедал, и в котором явственно заклеил ее ругателей. Приди к твоему народу, к твоей пастве, к устройению Церкви, к украшению ее, к благолепию. Ныне облачилась она в древнюю одежду, ныне оделась в свое убранство, ныне веселится и ликует и созывает своих питомцев. Ибо зима еретического волнения миновала, буря и шторм угасли и стихли, смута перешла в спокойствие, послышался же глас умопостигаемой горлицы, согласно Соломону (Песн. 2:12, 13), смоковница принесла свои ранние плоды, виноградники цветут, издают благовоние и наполнили все благоуханием — это знаки и приметы невесты-Церкви и Жениха Христа и предзнаменования

перемены к лучшему. С такими речами обращаемся мы, твои ученики, такими словами призываем тебя, вот что с трепетом и радостью предлагаем тебе: позволь коснуться твоего священного тела, освяти осязанием наши губы и сердца, очисти всякий член, касающийся тебя и приближающийся, соедини себя с нами, пойдя с нами, взойди вместе с нами на корабль, проложи путь по морю, яви плавание спокойным, прибуди к своей священной гробнице, поселись в ней, узри чад твоих утвержденными, посети своих разумных овец, человеколюбивейший среди пастырей и заботливейший, покажи им сладчайший твой лик, дай им слышать с еще большей приятностью твой голос, потому что ты умеешь и молча говорить, и видеть, не будучи видим, – ведь такова у вас почесть от Бога, воспринимать и слова наши, и помыслы и подавать нам просимое».

11. Когда отцы сказали и произнесли это и словно бы божественным помышлением получили удостоверение в своем предприятии, они, взявшись за гроб и поднявшись на корабль, радостно пустились в плавание, распевая на море благодарственные гласы и другие песнопения. Ибо кто расскажет о совершавшемся тогда, кто передаст наслаждение, радость и прочее ликование? Наверное, и море тогда возвеселилось, и стези морские и волны издали сладчайший звук, и все плавучие и водные существа заплясали при приближении корабля – ибо они видели ту добрую поклажу, несомую морскими водами и сопровождаемую, и освещаемую лампадами, и охраняемую легким ветром. Когда же они пристали к берегу, можно было видеть сбежавшуюся толпу иноков, окруживших гроб и воспевавших одновременно погребальные и благодарственные песнопения – ведь они стекались, как будто на общее торжество и всенародный праздник, не только ближние, но и издалека и с большого расстояния, не только иноки, но и мирские и светские, и клирики, и миряне, и всякий, так сказать, род сбежался, каждый отдавая должное торжеству: изливанием мира и светом лампад они умащали даже воздух и, быть может, являли побежденным даже сияние солнца.

12. Когда же они уже собрались нести гроб и доставить его к храму, построившись в ряды и одни шествуя впереди, другие позади, а третьи, как и положено, вровень, то до времени положили его с великой честью в правом притворе храма, там, где внутри лежат и мощи мучеников. Тогда и царица августа, и придворные щедро почтили останки

святого, одни придя лично, а другие — послав для приветствия разнообразные благоволия. Патриарх же, поскольку питал к нему большее влечение [(это был славный Мефодий)]²⁹, взяв с собой весь церковный клир, прибыл, чтобы лично увидеть отца, и совершить погребение своими руками, и со всем тщанием прислуживать при нем. Приблизившись к святым мощам, он приник к ним губами и глазами, а прежде всего сердцем, обнимая каждую часть их и молитвенно лобызая. Ибо это священное тело можно было видеть совершенно целым, невредимым и нетронутым, сохраняющим соединение и строение членов — и от него исходило некое благоухание и как бы сиял несказанный свет. Поэтому ради чести его и для удостоверения большей любви они, сняв истлевшие одежды, облачили его в другие, новые и священнолепные ризы, потому что стекающееся множество целых два дня не позволяло предать святого погребению и скрыть от них столь блистательный, прекрасный и сладостнейший лик.

13. Но пусть слово подождет и немного повременит с положением, пока не изложит и происшедшего с божественным Иосифом, и каким образом и тот был перенесен и сподобился такого же, как у отца, в тот же день и внесения, и положения. Так вот, этот священный муж, получивший архиерейство в награду за добродетель, бывший во всем братом доброго отца, украсивший престол Фессалоникийской церкви, мужественно, как никто другой, явивший многие деяния, многие испытания выстоявший в трудах за добродетель, многую вынесший стойкость в бедствиях, под конец был осужден еретиками на ссылку и заточение. Он, проведя в заключении немалое время и преодолев множество скорбей, умер в где-то в фессалийском захолустье, и ему не досталось даже погребения, как должно, и тело его не обрело земли для положения, как следовало бы. Итак, он лежал где-то заброшенный и кинутый в заросшее и влажное место — ибо из-за произраставших там растений, а также проливных дождей, снедавших и кости, и плоть, и все остальное, оказалось, что от него едва сохранились немногие останки. Ибо так, наверное, решили ругатели — бросить его совершенно без попечения и даже после смерти не мириться с ним, и не пожалеть и не посочувствовать достойному жалости и сочувствия. После того, как он

²⁹ Это пояснение исключено издателем как явная глосса. Св. Мефодий был патриархом в 843–847 г.

двенадцать лет таким образом истлевал от непогоды, упомянутым Афанасию и Навкратию еле-еле удалось тайком и скрытно собрать его тело – немного костей и малую толику праха – и положить в раку. Ибо им нельзя было, пока еще преобладала еретическая сила, перенести святого оттуда, чтобы, если бы их поймали, у них не отобрали даже те мощи, что они собрали, и не покарали бы их жестоко. А когда они получили разрешение и нашли подходящее время, тут они взялись и доставили, как надлежало, и с почестями внесли его с блестящим сопровождением. И обрати внимание на предусмотрительность и разумение отцов – ведь они отнесли обоих в монастырь в тот же день, в одно и то же время, так что получилось, что великий Феодор с моря, а архиерей Иосиф с суши и от западной страны сошлись вместе и сподобились равного и одинаково почетного перенесения и положения. Ибо надлежало, чтобы те, у кого все было общее, и жизнь, и подвижничество, и исповедничество, и братская близость и единоподушие, обрели и общую гробницу, и равночестное и одинаковое погребение. Если же один полагается целым, а другой – с недостающими частями, то это оставим судам Божиим, Который, многообразно направляя наши дела, не позволит пропасть ни одному волосу с нашей головы, но вновь восставит нас в целости, нетленными, нестарееущими, всецело божественными и превратившимися лучшим превращением. И отцы наши, преображенные всем этим, сподобятся гораздо более высокого и удивительного восстановления и боговидного изменения тел – но это будет с ними в грядущем.

14. Теперь же пусть слово вернется к тому повествованию, которое оно оставило выше, – ибо так оно и пропущенное доведет до конца, и в подробностях изложит то, что касается проводов и положения. Когда священный отец, многообильный и благодарованный, был облачен в те новые ризы, как я сказал немного раньше, все собравшееся множество пребывало возле мощей и целых два дня находилось рядом с ними, и не оказалось никого из жителей столицы, кто не присутствовал бы там, чтобы увидеть священное тело и приобщиться к благодати от него. Посему, в то время как происходило торжество, столь желанное для всех, а особенно для прибывающих монахов и учеников отца, соуслужавшихся духом, у которых и влечение сильнее, и усердие больше, и собрание как нельзя более приятно, сам божественнейший патриарх в

присутствии всех, собственными руками подняв преподобного, полагает его в гробницу и закрывает священное тело, а тут же и мощи брата Иосифа предает той же могиле, которая раньше содержала внутри премудрого Платона – а вы знаете, что он приходился им обоим дядей, – ныне же, как и положено, получив и их, во всем равностепенных и единоправных, стал могилой всех троих, и знаком, и вместилищем, и чем другим, как не многообильной и неистощимой сокровищницей? Ибо так, конечно, отцы сочли полезным, и так порешили оба, вместе быть скрытыми под одним и тем же камнем и положенными вкупе друг с другом, не только ради природы и происходящей от нее близости, но гораздо более ради добродетели и сопряжения через нее. И теперь гробница, стоящая поблизости от мученических мощей, которые были обреты там по некоему божественному явлению, доставляет нам, приходящим, многую благодать, и многую пользу подает приближающимся <к ней>. Ибо мы, словно видя самих божественных отцов, так приходим денно и ночью к мощам, так вглядываемся очами в священные их образы, написанные на гробнице, получая очищение вместе и души, и тела и принимая щедрые благодеяния.

15. Итак, и вы не переставайте, божественнейшие отцы и наши попечители и предстатели, надзирать за нами, и блюсти, и умилоствлять за нас Бога, чтобы, кроме всего остального, мы были и оберегаемы вами, и спасаемы, и ведомы к лучшему. Если же мы и окажемся там же, да примете нас, и возьмете к себе, и поселите в небесных чертогах, – ибо твои заверения и твои обетования, честнейший отче и пастыреначальник Феодор – всегда помогать нам, защищать, предстательствовать как за собственных чад и исполнять прошения, которые мы приносим во спасение. Ведь нам ведома твоя забота и любовь к нам; мы знаем силу твоего покрова и богатое заступничество; мы знаем и уверены, что ты станешь для нас всем, и богатством, и славой, и хвалой, и путеводителем, и наставником, и учителем, и все, что извилисто, выпрямишь, и шероховатое сделаешь гладким, и выровняешь путь, ведущий на небеса, и приблизишь к нам Бога, Которого ты – посланник, и помощник, и служитель, и благой примиритель. И да будет нам, о предивнейший из отцов, благодаря тебе избрать лучшее и полезное, пренебрегая всем чувственным и преодолев все, подверженное превратности и перемене. Ибо так мы и

воспримем вечно пребывающее и так остановимся в стремлениях, достигнув предела желаний и обретя Бога, найти и стяжать Которого есть высшее из благ. Ибо тогда мы справим и истинное торжество, и возвеселимся вечной радостью, и просветимся светом изначальной и блаженной Троицы, и узрим или получим постижение Бога, яснее созерцая славу Отца, и Сына, и Святого Духа, познавая и понимая беспредельное и простое единение Трех Беспредельных – ведь постижение наше будет не сквозь стекло, и не в тенях и намеках (ср. 1 Кор. 13:12), но мы беспримесным умом встретимся с самой истиной, с самим первоисточником, осязая незримое и вступая в то, что превосходит знание и постижение. Ведь он не будет тогда разнообразным и многовидным, и разделяющимся на много частей, но простым и единовидным и вмещающим только Бога и всецело Его, когда он по благодати станет и богом через причастность и, бог по благодати, непосредственно соединяясь с Богом по природе, стяжает в меру добродетели и восхождение, или обожение, и устойчивость и порядок клира и обители – а эти вещи, которых много, должны все быть исполнены и уделены каждому сообразно достоинству и причастности к лучшему. Да будет и нам в них часть и да унаследуем горнее Царство во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава и держава со Отцем и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков, аминь.